

«Я РОС ВМЕСТЕ СО СВОИМИ ХУДОЖНИКАМИ» ТАДЕУШ РОПАК

Всемирно известная галерея Thaddaeus Ropac с пятью филиалами в европейских городах (по две в Зальцбурге и Париже и одна в Лондоне) относится к так называемому классу мегагалерей, но эта приставка верна и для ее основателя Тадеуша Ропака. В том смысле, что он — мегачеловек. И мегагалерист. Не потому, что у него огромные залы по всему миру, десятки сотрудников, годовая выручка, измеряемая в сотнях миллионов долларов (хотя и это, конечно, все тоже есть), а именно с точки зрения масштаба личности. Галерея представляет 65 художников и их наследников. Среди них давно признанные — один из родоначальников минимализма Дональд Джадд, ключевая фигура поп-арта Роберт Раушенберг, абстракционист Эмилио Ведова, московский концептуалист Илья Кабаков (разумеется, с Эмилией) — и чрезвычайно востребованные ультрасовременные: живописец новой румынской волны Адриан Гение (его выставка недавно завершилась в Главном штабе Эрмитажа дарением одной из участвовавших в ней работ в постоянную коллекцию музея), Кори Аркангел, сделавший себе имя на искусстве постцифровой эпохи, Альваро Баррингтон, сумевший по-новому переосмыслить наследие художников XX века. При этом с Россией у галереи тесные связи: Thaddaeus Ropac плотно работала с командой «Гаража» и с Третьяковской галереей над выставками Кабаковых, с «Гаражом» — над выставкой Роберта Лонго, а также с Эрмитажем — над экспозициями Ансельма Кифера и Адриана Гение. В интервью «Коммерсантъ. Арт» Тадеуш Ропак подробно рассказал об истоках своего бизнеса, знакомстве с Уорхолом и Жан-Мишелем Баския, а также о будущем, которое ждет галерею Thaddaeus Ropac и его выдающуюся персональную коллекцию, составленную из работ главных художников второй половины XX века.

Начало: Бойс, Уорхол, Баския

Свою первую галерею я открыл в 21 год, но, вступая на этот путь, не испытывал никакого страха, я просто понимал, что в искусстве и есть вся моя жизнь. Страшнее было признать, что я не художник. Я не смог состояться как творческая единица, но чувствовал, что хотел бы остаться в арт-мире, возможно, помогать художникам. В начале 1980-х я работал в музее и галерее, но был очень нетерпеливым, хотел видеть результат здесь и сейчас. Большой для меня удачей стало знакомство с Йозефом Бойсом, с которым я проработал с 1981 по 1982 год. Я помогал ему в Дюссельдорфе, где он жил, а также на Documenta в Касселе, где в 1982 году он организовал социальную акцию «7000 дубов». Это был невероятный перформанс! Когда тебе 21 или 22, ты вместе с множеством людей высаживаешь деревья в поле и на улицах и все эти действия называются искусством — ничего более современного я и представить не мог! Потом была подготовка выставки в Gropius Bau в Берлине. И если в Касселе Бойс показал то, каким может быть искусство, то в Берлине — кем мы являемся как общество. В первом случае он был чрезвычайно свободным в своих действиях, а в музее — предельно точным. В тот год я научился у него многому. Осенью 1982-го я познакомился еще с Базелицем и Кифером (обоих моя галерея сейчас представляет), которые с восхищением смотрели на Бойса. Я же пытался найти себя в мире искусства, а когда Бойс в конце года позвал меня к себе, чтобы поблагодарить за хорошую работу (она была неоплачиваемой), то задал вопрос о том, что я планирую делать дальше и сможет ли он мне чем-то помочь. В тот момент мне хотелось его чем-то заинтересовать, и я вдруг почему-то сказал, что собираюсь открыть галерею в Австрии. Я попросил его тогда о двух вещах: возможности сделать его выставку в моей галерее (о которой я сам еще ничего не знал), а также познакомить меня с Уорхолом, так как я собираюсь отправиться в Америку. Он тут же взял салфетку и написал на ней: «Дорогой Энди, пожалуйста, познакомься с этим молодым талантливым менеджером». Сразу после этого я купил самый доступный билет в Нью-Йорк.

COURTESY OF THADDAEUS ROPAC GALLERY